

НОВЫЕ ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

HISTORY

дэрья

ДОНЦОВА **NEW**

тэтьяна

УСТИНОВА **NEW**

юлия

ШИЛОВА

а также:

слена

АРСЕНЬЕВА

мэрия

БРИКЕР

галина

КУЛИКОВА

слена

ЛОГУНОВА

наталья

СОЛНЦЕВА

Елена Логунова
Прогноз погоды в доме

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160403

Новые лучшие детективные истории: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22895-9

Елена Логунова

Прогноз погоды в доме

– Ух ты! – воскликнул Вадик, резко затормозив у директорского кабинета.

Дверь в приемную была открыта, и там на мягком стульчике скучала незнакомая девушка сказочной красоты: пшеничная коса, смородиновые глаза, малиновые губы, щечки – румяные яблочки и арбузные груди.

Вадик застыл на одной ножке и уставился на эту плодово-ягодную красоту с недоверчивой радостью уличного кота, обнаружившего в сточной канаве свеженькую золотую рыбку. Мой напарник славен в нашей телекомпании не столько своим операторским мастерством, сколько неумемной любовью к противоположному полу.

Вадик облизнулся и сделал шаг вправо, к приемной. Я подтолкнула его в спину, чтобы дал мне пройти, но тут открылась дверь по левую сторону коридора, и перемежающийся здоровым чавканьем голос нашего главного редактора Мамаева произнес:

– Елена, зайди! У меня есть для тебя кое-что.

– Съедобное? – повернул голову Вадик.

Отличный аппетит – его второе большое мужское достоинство. Или первое – по ситуации. Полчаса назад мы с напарником закончили съемку в Комитете по виноделию, где

после брифинга была дегустация весьма неплохих вин. Пили, как положено уважающим себя дегустаторам, без закуски, что Вадик счел досадной ошибкой, которую ему не терпелось исправить. Теперь уже он подтолкнул меня в спину и вломился в кабинет главреда на моих плечах.

– Ну, что тут у нас? – вырвавшись на оперативный простор, Вадик потер ладони и устремил взор на тарелочку в руке Мамаю.

Тот непроизвольно отодвинулся, тоже посмотрел на тарелочку, потом на Вадика, с подозрением принялся и спросил:

– Рябушкин, чем это от вас пахнет?

– Трудовым потом! – без запинки ответил оператор. – Только что со съемки, работал как вол, а во рту с утра маковой росинки не было! А что это вы кушаете, Геннадий Владимирович?

– Отруби, – машинально ответил Мамай.

– Отруби? – заметно огорчился Вадик.

– Отруби – прекрасный диетический продукт! Они очень полезны для здоровья! – строго сказал наш эрудированный главный редактор.

– И для фигуры, – ляпнула я, о чем тут же пожалела, потому что Мамай, именуемый также Большой Мамочкой, похож на циркового слона, обученного носить костюм и ходить на двух ногах, но в отличие от добродушного животного жутко обидчив.

Главред насупился, я поняла, что нужно срочно поменять тему, и спросила:

– Что-то от меня нужно, Геннадий Владимирович? Зачем звали?

Лицо Мамаю светлее не стало, но тарелочку с диетическими отрубями он отставил подальше и взял со стола исписанный лист бумаги.

– Даю тебе особо важное задание! – объявил главный, буравя меня своими слоновьими глазками. – Вот заявление телезрительницы Тихоньковой Клавдии Яковлевны. Она утверждает, что просмотр наших программ неблагоприятно сказывается на ее здоровье, и грозит насрать на нас строгую комиссию для проверки качества телевизионных продуктов.

– Бред какой-то! – неуверенно хохотнула я. – Геннадий Владимирович, вы шутите?

– Мне, Елена, сейчас не до шуток! – вспыхнул Мамай. – Мне лицензию на вещание продлить! У меня новый Закон о рекламе! В бухгалтерии аудиторы сидят! Акционеры роста дивидендов требуют! Мне в такой ситуации лишняя жалоба – что последняя соломинка, которая может сломать спину верблюду! Держи бумажку и разберись с этой Тихоньковой, чтоб я ее больше не видел и не слышал!

– Но почему я? – возроптала я, вынужденно принимая листок с заявлением чокнутой гражданки.

– Потому что в современной российской действительности

сти женский сыск результативнее мужского, – заметно спокойнее ответил Мамай.

Я выразительно покосилась на работающий телевизор. Вместо того чтобы контролировать, как ему полагается, наш собственный эфир, главный редактор смотрел по столичному каналу детективный сериал про самородную и самобытную сыщицу с посудохозяйственным именем Вилка. Понятненько, откуда у Большой Мамочки святая вера в победы феминизма!

– Отнесись к этому заданию со всей ответственностью, – строго сказал Мамай. – Освобождаю тебя от основной работы до вторника. Действуй!

Услышав об освобождении от работы, заскучавший было Вадик встрепенулся и запоздало кинулся отстаивать права мужчин:

– Геннадий Владимирович! Правда, почему это задание для Ленки? Дайте его мне!

– У Елены аналитический ум, – шеф изволил меня похвалить. – Она даже в шахматы играет!

– Я еще и на рояле умею! – сердито напомнила я. – Может, отправите меня в гастрольный тур по побережью сшибать рубли акционерам на дивиденды?

– И я хочу по побережью! – немедленно заявил Вадик. – У меня голос, я петь могу!

Он расправил плечи, сложил руки в замок, отставил ножку, скороговоркой пробормотал:

– Слова и музыка народные, «Миленький ты мой»! – и пронзительнейшим голосом заблажил: – Ми-и-и...

– Кто пустил в студию кошку?! – гневно гаркнул в отдалении наш режиссер Славик.

– ...ленький ты мой! – как ни в чем не бывало закончил Вадик. – Ну, как?

– Шикарно! – похвалила я и похлопала себя по уху, выбивая из него эхо скрипучей рулады. – Пойдем запишем тебя в кружок хорового пения.

Потрясенный вокалом Вадика Мамай еще не ожил, а я уже утащила неразумного напарника прочь из кабинета. В коридоре он снова затормозил: навстречу нам из приемной выступила незнакомая красавица. Ее теснила дама, имеющая с юной девой отчетливое фамильное сходство, но похожая на атомный ледокол: такая же большая, могучая и взрывоопасная. На фоне ее сердитого рокота особенно ясно звучал голос нашего директора Гадюкина, выводящий с пронзительной задушевностью Робертино:

– Конечно, Клавдия Яковлевна, мы разберемся и примем меры, вы только не волнуйтесь, берегите здоровье!

– Это она! – резко осадив назад, шепнул мне Вадик через плечо.

Я и сама уже поняла, что термоядерная дама – моя жалобщица Тихонькова, и почувствовала себя спасателем, в одиночку брошенным на идущий вразнос энергоблок. Однако тут же выяснилось, что я недооценила самоотверженность

своего напарника.

– Здравствуйте, Клавдия Яковлевна! – bravo козырнул Вадик, одним глазом глядя на суровый лик Тихоньковой-старшей, а другим кося на арбузный бюст прелестной девы. – Разрешите представиться: я Вадим, а это Елена! Мы уполномочены разобраться в данной ситуации и сделаем это, к вашему полному удовлетворению, чего бы это нам ни стоило!

Я выразительно кашлянула. Мотивы, которыми Вадик руководствовался, добровольно вызываясь разобраться и удовлетворять, были очевидны. Только слепой не заметил бы роскошных форм Тихоньковой-младшей, однако я к женской красоте вполне равнодушна.

– С вашего разрешения, мы встретимся для предметной беседы чуть позже! – вежливо сказала я Клавдии Яковлевне и дернула Вадика за руку, увлекая его в глубь коридора.

В редакторской я достала из тайника за кассетами свой НЗ – пакет пряников – и велела Вадиду заваривать чай, а сама села читать заявление гражданки Тихоньковой и неожиданно увлеклась. Клавдия Яковлевна оказалась не чужда литературного таланта. Она живо описала свои страдания, истекающие от просмотра вечернего выпуска наших телепередач. Худшим и главным из них была необоримая бессонница, но упоминались также нарушение сердечной деятельности, расстройства пищеварения и памяти, падение давления и депрессивное настроение.

– И все из-за каких-то пятнадцати минут у телика? – усо-

мнился Вадик, которого я познакомила с заявлением Тихоньковой в режиме громкой читки.

Продолжительность вечернего выпуска наших телепередач всего четверть часа. Мне тоже казалось, что нажать массу расстройств за такое незначительное время нереально. Мы же не фильмы ужасов показываем! В вечернем выпуске у нас вполне благопристойные новости, реклама и прогноз погоды.

– А помните Кашпировского? – попивая чай, приготовленный Вадиком на всех, спросила редакторша Любовь Андреевна. – Он гипнотизировал народ с телеэкрана! Кремы заряжал, рубцы рассасывал! Помню, мой свекор, царство ему небесное, нас всех из комнаты выгонял и тет-а-тет с телевизором лечил застарелый геморрой. Может, и наши программы по неизвестным причинам оказывают на телезритель какое-то такое влияние, только не лечебное, а наоборот?

– Почему же тогда никто, кроме Тихоньковой, не жалуется? – резонно спросила журналистка Наташа.

– А просто не смотрит нас никто! Нечего у нас смотреть! – наш гениальный режиссер Слава включился в беседу и сразу же свернул на свою любимую тему. – Где у нас креатив? Где концептуальность?

Любовь Андреевна и Наташа из патриотических соображений с ним заспорили, а Вадик под шумок захватил пакет с пряниками и сказал:

– Пойдем отсюда! В таком гвалте хорошую концепцию

фиг найдешь!

– Для хорошей концепции приличный объем информации нужен, – заметила я и посмотрела на недостаточно объемный манускрипт Клавдии Яковлевны. – Придется пообщаться с заявительницей.

– Щац! – сказал Вадик, давясь пряником. – Я ужнаю телефонщик!

Он сбегал в приемную и вернулся с листочком, на котором Гадюкин начертал семь цифр и резолюцию: «Не разрулите – урою!» Наш директор пришел на телевидение год назад, а до этого был топ-менеджером бандформирования и еще не избавился от профессионального сленга.

– Уроет он нас, как же! – обиженно бормотала я, набирая номер.

– Ирина, диспетчер! – отозвался низкий женский голос.

– Пардон, – сказала я и положила трубку. Сверяясь по бумажке, снова набрала номер и опять услышала тот же дамский бас. – Ирина, извините, я почему-то к вам попадаю, а мне квартира Тихоньковых нужна. Может...

– Это и есть квартира Тихоньковых, а я не Ирина, а Клавдия! – оборвал мои вежливые извинения неласковый голос. – «Ирина» – это ремонтно-строительная компания, а я в ней диспетчером работаю, на дому!

Недоразумение разрешилось, я представилась и договорилась с Клавдией Яковлевной о встрече. Вадик по собственной инициативе отправился со мной, размечтавшись о раз-

делении труда:

– Ты опросишь старшую Тихонькову, а я поработаю с младшей!

Однако приятное возбуждение Вадика вмиг улеглось, когда нам открыл дверь высоченный, под потолок, дядечка с пышной бородой и осанкой Ильи Муромца, который только-только слез с печи после тридцатитрехлетнего на ней сидения. Нестарый еще мужчина приволакивал ноги, сутулился и смотрел тоскливо и настороженно, как потерявшийся пес, однако природная его стать впечатляла. Смекнув, что перед нами папа красавицы Тихоньковой-младшей, Вадик перестал настаивать на разделении труда и стер с лица оболстительную улыбку. Так что беседовали мы все вместе, одной большой компанией, с подавляющим присутствием в ней Тихоньковых. Семейство представляли Клавдия Яковлевна, ее супруг Петр Ильич, их дочь Александра и кот Филимон. Младший сын Витя отсутствовал по уважительной причине: он занимался в школе во вторую смену.

Вадик засматривался на Сашеньку, а я изумленно и восторженно таращилась на Филимона. Этот кот потрясал воображение. Он был такой толстый, что позорно застрял в табуретке, под которой хотел проскочить, спасаясь от моих приставаний.

– Филя весит восемь шестьсот, – сказала Клавдия Яковлевна, обласкав взглядом торчащий из-под табуретки фрагмент домашнего любимца.

– Он жирный, потому что кастрированный! – бесцветным голосом добавил Петр Ильич.

Вадик воззрился на Филимона с ужасом, мне тоже стало жаль бедного зверя, но развивать тему кошачьей асексуальности я не стала и попросила Клавдию Яковлевну рассказать нам, чем ей не нравятся наши телевизионные продукты. При этом Сашенька выразительно закатила глаза, а Петр Ильич беззвучно вздохнул.

Через пятнадцать минут после начала эмоционального монолога хозяйки Петр Ильич сослался на необходимость срочной домашней работы и удалился. Пятью минутами позже откланялась и Сашенька, которой пора было ехать в бассейн. После этого Вадик потерял всякий интерес к происходящему и откровенно скучал, пока я стенографировала речь Клавдии Яковлевны. Это было утомительно, потому что стержовые интонации голоса страдалицы меня сильно нервировали. К тому же разговор поминутно прерывали звонки граждан, нуждающихся в услугах ремонтно-строительной компании «Ирина». Я уже почти потеряла терпение, когда мадам Тихонькова неожиданно попросила нас удалиться, так как у нее ровно в четырнадцать ноль-ноль запланирован послеобеденный сон. До него, правда, еще оставалось минут сорок, но их Клавдия Яковлевна, по всей видимости, собиралась потратить на урочный прием пищи. Нас с напарником к столу не позвали, и это отнюдь не улучшило Вадику настроения. В прихожей он мрачно зыркнул на украшающий

дверцу кладовки школярский плакатик «Мой распорядок», в котором уже знакомым нам почерком мадам Тихоньковой были расписаны все значимые моменты дня, включая четырехразовую кормежку. Соседство плаката с солидными курантами не позволяло усомниться, что режим в этом доме соблюдается неукоснительно.

– Думаешь, она чокнутая? – спросила я, когда мы отошли от двора на десяток метров и присели на лавочку у кинотеатра «Варяг».

– Нет, – убежденно сказал Вадик. – Я женщин знаю, я так скажу: эта тетка нормальная домашняя тиранша. Гитлер в юбке! Мне жаль ее мужа и кота.

Он подумал немножко и добавил:

– Особенно кота!

– Кота жалко, – согласилась я. – И нас с тобой тоже. Гадюкин обещал нас урыть, если мы не разрулим дело, а я даже не знаю, с чего начинать. Ерунда получается! Предположим, тебе становится дурно после просмотра наших телепрограмм. Тогда почему ей дурнеет только по пятницам?

– Она же сказала, что по пятницам обязательно смотрит вечерний прогноз погоды на выходные, – напомнил Вадик, слегка меня удивив. Я-то думала, он вообще ничего не слышал. – В другие дни тоже иногда интересуется предсказаниями метеорологов, но нерегулярно, а по пятницам – железно, потому что в субботу все семейство едет на дачу.

– Ну а чем пятничный прогноз отличается от всех других?

Ответить на этот вопрос напарнику было гораздо легче, чем мне, потому что я телевизор смотрю редко, а уж наш канал вообще никогда не включаю. Вадик же по долгу службы присутствует на записи программ в студии.

– В пятницу мы даем прогноз не на один день, а сразу на два. Это во-первых. Во-вторых, в другие дни прогноз зачитывает Наташа, а по пятницам вещает сам Левин.

– Вот как? – Я задумалась.

Марк Михайлович Левин – умнейший дядька из университета, специалист по гидрометеорологии, кандидат наук и замечательный рассказчик. Он провозглашает прогноз погоды с вдохновенным лицом и ораторским пылом библейского пророка, так что по окончании его речи хочется кричать «Аллилуйя!» и восторженно бить в ладоши.

– Слушай! А может, у Тихоньковой на Левина аллергия? – оживилась я.

– Или, наоборот, слишком нравится ей харизматическая личность Марка Михайловича! – подхватил Вадик. – А что? Марк – видный мужчина, кудрявый, бородатый, с горящим взглядом! Тихонькова как насмотрится на него – перевозбуждается и потом уснуть не может, томима смутными мечтами! Ха! Я знаю, что ей нужно прописать! Сеанс хорошего секса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.